

ББК 87.8
Е 38

ЕМЕЛИН Вадим Анатольевич.
ГЛОБАЛЬНАЯ СЕТЬ И КИБЕРКУЛЬТУРА: постмодернистский
контекст – Москва: МАМАРМЕН, 2000 г.

Настоящая работа посвящена философскому исследованию Интернета – принципиально нового средства массовой коммуникации, активно развивающегося в последние годы. Наряду с выявлением постмодернистской сущности Интернета, в ней прослеживаются социокультурные импликации распространения глобальной сети, рассматривается ряд интеллектуальных течений, чье возникновение было инициировано развитием компьютерных и сетевых технологий, а также оценивается роль Интернета в трансформации текстового пространства информационного общества.

©МАМАРМЕН, 2000 г.

Оглавление

Ризома и Интернет.....	3
Киберпанк и сетевой либерализм.....	12
Гипертекст и постгутенберговая эра.	26

Конец XX века отмечен вхождением в жизнь людей принципиально нового средства массовой коммуникации – глобальной сети Internet, чья паутина в буквальном смысле слова вовлекла в свою сеть огромное количество пользователей, при этом во многом видоизменяя стереотипы их мировосприятия. Сейчас мы смело можем утверждать, что глобальная сеть создает условия для формирования виртуальных общностей, генерирует текстовые форматы нового типа, стирает границы между государствами, элиминирует расстояния, разъединяющие людей и, в конечном счете, выстраивает вокруг себя специфическую форму постмодернистской культуры – *киберкультуру*. Значение, которое приобрел Интернет в информационной деятельности человечества в последнее время, делает необходимым его рассмотрение в качестве философского факта. В нижеследующем анализе всемирной паутины с помощью средств постмодернистской философии будет предпринята попытка раскрыть философии сущность ее устройства и показать историю зарождения киберкультуры, а также формирования специфической идеологии киберпространства глобальной сети.

Ризома и Интернет.

В качестве ключевой категории для философского анализа глобальной сети Internet используем понятие "ризомы" – специфическое понятие постмодернистского дискурса. Данный термин был заимствован Жилем Делезом и Феликсом Гваттари из ботаники, где он означал определенное строение корневой системы, характеризующейся отсутствием центрального стержневого корня и состоящей из множества хаотически переплетающихся, периодически отмирающих и регенерирующих, непредсказуемых в своем развитии побегов. Разработанная во втором томе главного совместного труда французских философов "Капитализм и шизофрения", вышедшем

под названием "Тысяча поверхностей" (1980), а также в предваряющей его появление небольшой книге под заглавием "Ризома" (1976 г.), эта категория получила широкое распространение и стала одной из важнейших в постструктурализме. В самом широком смысле "ризомы" может служить образом постмодерного мира, в котором отсутствует централизация, упорядоченность и симметрия. Далее будет показано, как можно с помощью этого понятия раскрыть сущность устройства и функционирования всемирной паутины Internet. Выбор данной категории для анализа Сети обусловлен тем, что в современной философской литературе не имеется альтернативного понятия, которое могло бы так четко передать сущность сетевых технологий и одновременно указать на их взаимосвязь с мировоззренческим контекстом культуры постмодерна.

В "Тысяче поверхностей" Делез и Гваттари выделяют ряд принципов организации ризомы-корневища, соотносимых со всеми сферами общественной жизни. Мы же рассмотрим каждый из них применительно к глобальной сети Internet и выясним, насколько они адекватны для ее описания. Первые принципы лежащие в основе устройства ризомы, это *"связь и гетерогенность"*. Согласно им, каждая точка корневища может быть соединена с любой другой – ризома не имеет исходного пункта развития, она децентрирована и антииерархична по своей природе. Иными словами, никакая ее точка не должна иметь преимущество перед другой, равно как не может быть привилегированной связи между двумя отдельными точками – в ризоме все точки должны быть связаны между собой, независимо от их роли и положения¹. Характерно, что компьютер,

¹ Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. p. 7.

рассматриваемый как автономный модуль, вне связи с другими, не является ризоматической системой, ибо он спроектирован как сугубо иерархическая структура, где "вся власть предоставлена памяти или центральному блоку"². Ввиду централизованности и отсутствия рассредоточенности, любое нарушение связей между основными блоками компьютера неизбежно влечет выход из строя всей системы. Делез и Гваттари противопоставляют закрытым и центрированным системам типа персонального компьютера открытые и децентрированные – одним словом ризоматические множества. Их образ они усматривают в ограниченных сетях автоматов, связь в которых выполняется от одного субъекта к любому другому, маршруты ее не предзаданы, а все участники взаимозаменяемы, благодаря чему, координация локальных операций и синхронизация конечного, общего результата достигается без центрального органа³. Очевидно, что французские мыслители, приводя примеры ризоматических сетевых структур, формулируют как раз те идеи, которые в наибольшей степени воплотятся во всемирной паутине Internet.

Здесь будет уместным обратиться к истории создания глобальной сети. Начало свое она берет во времена холодной войны – проект Интернет разрабатывался американскими военными с целью обеспечить наибольшую жизнеспособность систем управления в случае ядерной атаки. Идея их заключалась в следующем: информационные данные помещаются не в одном месте, а рассредоточиваются и дублируются на перекрестно соединенных друг с другом удаленных компьютерах. Последние подключены таким образом, что обмен информацией между ними может осуществляться по различным схемам, предполагающих как прямую связь между любыми отдельно взятыми

² Deleuze G. & Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. p. 16.

³ Ibid, p. 17.

компьютерами, так и опосредованное подключение, в цепочке которого может быть задействовано сколь угодно много промежуточных звеньев. Таким образом военные пытались избежать фатального выхода из строя систем управления: если в случае нападения останется работоспособным хотя бы один из компьютеров, то уцелевшие на нем данные позволят отдать команду о нанесении "удара возмездия". Из вышеизложенного видно, что ранний Интернет обладает децентрализованной и антииерархической структурой, что в полной мере удовлетворяет требованию гетерогенности соединений в ризоморфных конструкциях.

Теперь рассмотрим, насколько подпадает под эти принципы глобальная сеть в современном своем состоянии. В настоящее время Интернет объединяет в себе несколько миллионов компьютеров, число которых неуклонно возрастает. В отличие от контролируемого военными и в силу своей специфики закрытого для широкого пользования раннего Интернета, сеть сегодня принципиально открытая структура: каждый у кого есть компьютер, модем и доступ к телефонной линии, потенциально может продолжить ее границы. Следует отметить, что глобальная сеть унаследовала от своего раннего прообраза децентрализованное и неиерархическое устройство – в ней нет центрального пункта, контролирующего информационные потоки. Связь между компьютерами осуществляется напрямую, а не через какую-либо главенствующую инстанцию. Причем, пути передачи информации не являются предзаданными и неизменными – они могут варьироваться в зависимости от загруженности линий, и возможны такие ситуации, когда маршруты движения данных оказываются парадоксальными с точки зрения географии – так, связь между пользователями, находящимися в Москве и Киеве может осуществляться через сервер, расположенный, скажем, в

Германии. Для пользователя маршрут, по которому проходит информация, не имеет равным счетом никакого значения, главное для него – возможность непосредственного контакта с любым адресатом и возможность прямого доступа к любой странице, независимо от ее местоположения в глобальной сети. Таким образом, не усматривается никаких препятствий в том, чтобы применить такие принципы конструкции ризомы, как "связь и гетерогенность" для характеристики современной глобальной сети.

Следующий принцип, который Делез и Гваттари кладут в устройство ризомы, – это принцип "*множественности*". Наилучшим примером, иллюстрирующим его действие, является кукловод, управляющий своей марионеткой. Французские философы утверждают, что на самом деле движениями куклы руководит вовсе не желание кукловода, а "*множественность нервных волокон*". Кукловод, в конечном счете, сам оказывается марионеткой этой множественности⁴. Последняя должна пониматься сама по себе, вне связи, как с субъектом, так и с объектом. То есть, при ризоматическом подходе главенствующая роль отводится не точкам контакта между нитками и куклой или же точкам контакта между руками кукольника и деревянной рамкой, к которой нити прикреплены, а линиям, соединяющим точки – именно они имеют наибольшее значение⁵.

Применительно к глобальной сети Internet принцип множественности можно проинтерпретировать следующим образом. Во-первых, по аналогии с кукловодом и куклой, соединениями компьютера управляет не клавиатура и не руки, лежащие на ней, а "*множественность нервных волокон*" пользователя, находящая свое продолжение во множестве

⁴ Deleuze G. & Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. p.8.

⁵ Ibid.

кодируемых и декодируемых комбинаций, на которые распадаются посылаемые сигналы, во множестве каналов связи по которым они передаются, и, наконец, во множестве светящихся пикселей на экране компьютера, отображающих текущую информацию. Во-вторых, исходя из того, что в ризоме существенными являются не узлы связи, а линии соединения, мы можем утверждать, что и в Интернете имеет место подобное положение дел, хотя, казалось бы, первое впечатление говорит об обратном, ведь соединения в сети устанавливаются не иначе, как путем перехода от одного компьютера к другому. На самом деле, здесь важно понять, что движение по сети — это не есть "паломничество" к конкретной цели, да и вообще оно не является движением в прямом смысле этого слова — пользователь физически не меняет своего положения в пространстве. Выражаясь словами отца киберпанка Уильяма Гиббсона, глобальная сеть — это "коллективная галлюцинация", киберпространство, за пределами которого не существует тех точек (городов, музеев, библиотек и т.п.) которые мы виртуально посещаем, но существуют лишь линии — каналы связи, соединяющие затребованные нами веб-странички.

Следующий принцип, имманентный ризоме, получил название принцип *"незначущего разрыва"*. Согласно ему, корневище может быть разорвано в любом месте, но несмотря на это, оно возобновит свой рост либо в старом направлении, либо выберет новое⁶. Как раз именно этого и добивались разработчики первого Интернета, дабы свести на нет последствия возможных расчленений сети управления в случае атомной войны. Современный Интернет, с его разветвленной структурой, безусловно пережил бы ядерный Армагеддон, но, к счастью, подобные задачи перед ним уже не ставятся. В настоящее время

⁶ Deleuze G. & Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. p. 9.

несущественность разрывов в сети может быть показана на других примерах. Так, во многом благодаря действию этого принципа, Интернет стал той детерриториализированной зоной свободы, которой он является сегодня. Ввиду разветвленной и многоканальной структуры глобальной сети стала практически невозможным изоляция какой-либо ее части, доступ к которой по тем или иным причинам власть сочтет нежелательным. Возможность альтернативных обходных маршрутов делает подобные попытки бессмысленными. Также с принципом незначущего разрыва можно связать тот факт, что на сегодняшний момент, Интернет является самым неуязвимым из средств массовой коммуникации. Пример тому – небезызвестная ситуация в Югославии, где после разрушения телевизионных ретрансляторов, каналы глобальной сети стали главным средством обмена информацией с внешним миром – блокировать их паутину намного сложнее, чем разбомбить антенны телецентров. Так идеи, заложенные американскими военными в устройство сети Internet, парадоксальным образом обратились против них самих – принцип незначущего разрыва фактически означает невозможность блокады, изоляции и цензуры во всемирной паутине.

Последними принципами, заложенными в основу построения ризомы, являются *"картография и декалькомания"*. С их помощью Делез и Гваттари заявляют, что ризома – это не механизм копирования, а карта с множеством входов. Противопоставляя кальку и карту, теоретики шизоанализа подчеркивают, что последняя по своей природе открыта, подвижна, переворачиваема и восприимчива к изменениям. Калька же, наоборот, не подвержена модификации, она не создает ничего нового и лишь копирует имеющиеся линии и очертания. Рисунок на карте никогда не может считаться окончательным – он постоянно меняется, как и меняется сама действительность. В тоже время,

карты могут существовать независимо от того, существует ли что-либо вне карты, тогда как кальки существуют только как представления, слепки референта. То есть карта, в противоположность кальке, не репродуцирует реальность, а экспериментирует, вступает с ней "в схватку"⁷. Именно такими идеями руководствовались Делез и Гваттари, когда представили конструкцию ризомы как воплощение картографии и декалькомании – ризоморфные объекты, по их мысли, принципиально не поддаются калькированию и не могут быть воспроизведены в качестве реплик.

Рассмотрим теперь, как эти принципы согласуются с глобальной паутиной Internet. Как уже упоминалось ранее, всемирная сеть – это принципиально незаконченная, неиерархическая, динамично развивающаяся система. В киберпространстве сети нет фиксированных, неизменных маршрутов, оно не расчерчено линиями проторенных магистралей, а скорее напоминает сеть полевых степных дорог, которая постоянно меняет свою конфигурацию: зарастают одни пути, прокладываются другие, рядом с размытой дождями колеей возникает новая, которая тоже просуществует не долго, и так до бесконечности. Очевидно, что непрерывно происходящие процессы изменения не позволяют сети стать хотя бы на некоторое время тождественной самой себе, что делает невозможным ее калькирование. Интернет – это номадическое пространство – среда обитания кочевников, и подобно карте, не может быть заключен в рамки какой-либо структурной или порождающей модели.

Здесь следует отметить еще один момент, подтверждающий, что глобальная сеть – это карта, а не калька. Когда идет речь о перманентной трансформации "рисунка" сети, необходимо

⁷ Deleuze G. & Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. P. 12.

учитывать, что причиной ее является не только "физическое" возникновение новых маршрутов: введение дополнительных оптических каналов, подключение новых компьютеров и т.п.; немаловажным фактором является еще и то, что сам пользователь постоянно меняет свою схему движения, выбирая и осваивая различные, а зачастую и альтернативные траектории. В этом смысле Интернет – не что иное, как карта с "множеством входов", среди которых каждый является потенциальной отправной точкой. Пользователь может начать маршрут движения по сети с любого узла, будь то его домашняя страница, страница его университета или провайдера, причем последующие шаги в киберпространстве с его разветвленной структурой и множеством ссылок не являются внешне детерминированными, а зависят лишь от преследуемой пользователем цели, или же от ее отсутствия. Таким образом, мы можем смело утверждать, что Интернет, является номадическим пространством, маршруты миграции в котором создаются "кочевниками-пользователями", целеустремленно или хаотически перемещающимся по "степным" просторам киберпространства вместо движения по старым, известным магистралям. Именно в этом и обнаруживается подтверждение соответствия глобальной сети Internet ризоматическим принципам "картографии" и "декалькомании".

Итак, мы рассмотрели все основные принципы устройства ризомы, и показали, как они могут быть использованы для философского анализа сети Internet. Но после всего вышеизложенного может возникнуть вполне закономерный вопрос, для чего нужна подобная интерпретация? Только для того, чтобы констатировать факт – *Интернет есть ризома*, и тем самым показать, как идеи Делеза воплотились в самой современной информационной технологии? Да, безусловно, на примере Интернета можно продемонстрировать, как самые, казалось бы,

оторванные от жизни философские конструкты, неожиданно "материализуются" в окружающей нас технологической реальности. С помощью категории "ризомы" раскрываются онтологические аспекты глобальной сети, рассматриваемой в качестве философского факта. Но главное состоит в том, что понять онтологию Интернета важно не только с целью иллюстрации приложимости постмодернистских идей для его интерпретации. Поставленная здесь задача не в коей мере не ограничивается только этим – на основании уже сделанных выводов, далее будет показано, как ризоморфная конструкция Интернета влияет на социальные отношения, выстраиваемые вокруг глобальной сети и способствует формированию *киберкультуры* – специфической формы культуры информационного общества.

Киберпанк и сетевой либерализм.

Начиная с конца шестидесятых годов бурное развитие цифровых технологий стало инициировать возникновение ряда социокультурных феноменов – интеллектуальных движений, в идеологии которых сплелись различного рода маргинальные интенции с верой в безграничные возможности компьютерной техники в плане реализации индивидуальной свободы. Первым симптоматичным событием в данном контексте можно считать зарождение хакерской субкультуры, истоки которой берут начало в шестидесятые годы в Массачусетском Технологическом институте США, где молодые ученые, раздраженные бюрократическими препонами на пути к дорогим и малодоступным на тот момент времени компьютерам, начали прокладывать свой собственный путь в информационные системы. В дальнейшем они распространились по другим центрам, таким, как Калифорнийский университет, где встретились с родственно настроенными интеллектуалами, принадлежавшими к

развивавшемуся тогда движению хиппи. Этика хакеров началась с положения о том, что никакие бюрократические барьеры не могут противостоять улучшению систем, они глубоко верили в то, что информация должна быть свободной. Они стремились децентрализовать империю, созданную IBM, и создать много различных форм работы с компьютерами. Хакеры заставили компьютеры делать то, чего ориентированный на IBM истеблишмент даже и представить не мог, – рисовать и сочинять музыку. Именно их усилия привели к созданию персональных компьютеров, компьютерных журналов, видеоигр – по сути, целой компьютерной культуры. В последствии хакерская этика свелась к трем основным принципам⁸. Первый из них – избегать нанесения ущерба, т.е. в случае вторжения в систему, принимать величайшие предосторожности для избежания ее повреждений. Вторая цель многих хакеров – свободный обмен технической информацией, так как патентные и авторские ограничения, по их мнению, замедляют техническое развитие. Третья цель – развитие человеческого знания как такового⁹. Безусловно, существование хакерского движения не было бы возможно без развития сетевых технологий, итогом которого явилось создание глобальной сети Internet. Для нас субкультура хакеров представляет интерес в том плане, что является первым примером влияния компьютерных и сетевых технологий на формирование специфических культурных течений, главной идеей которых можно считать лозунг "Информация хочет быть свободной". Хакерская деятельность также послужила основой для движения киберпанков, в котором наиболее показательно слились технологические, культурные,

⁸ См: Hammet F. Virtual reality. N. Y., 1993.

⁹ Следует отметить, что распространенное мнение о хакерах как о взломщиках компьютерных систем и наносящие тем самым ущерб, не совсем соответствует действительности. Подобные действия идут в разрез с хакерской этикой, а лица, их осуществляющие, называются не хакерами, а крэкерами.

философские и эстетические аспекты информационной революции.

Прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению киберпанка и его влияния на идеологию киберпространства глобальной сети, сосредоточим свое внимание на идейном и социально-политическом фоне, сопутствующем возникновению киберкультуры как таковой. Точка отсчета последней поразительно совпадает с периодом становления постмодернизма – концом шестидесятых – началом семидесятых годов XX века. Именно тогда происходит специфическое переплетение разноплановых событий, таких как политические акции, связанные с выступлениями против милитаризма, расизма, сексуальной дискриминации, гомофобии, бессмысленного потребительства и загрязнения окружающей среды и т.п.; в это же время получают свое развитие идеи постструктуралистской философии, а в социологии утверждается теория постиндустриального (информационного) общества, и все это происходит параллельно с информационно-технологическим бумом, связанных с началом вхождения дигитальных технологий в жизнь людей.

В качестве локального примера подобного идейного синкретизма можно привести движение хиппи, взгляды которых в дальнейшем после определенной трансформации и слияния с идеологией хакеров стали основой информационного либерализма. Как известно, хиппи отказывались подчиняться жестким общественным условностям, налагавшимся на законопослушного человека государственными структурами, военными, университетами, корпорациями и т.п. Вместо этого они открыто декларировали собственное отрицание "прямого" мира посредством вольного стиля одежды, сексуальной распущенности, громкой музыки и рекреационных наркотиков. В качестве

общественного идеала они видели так называемую "экотопию" – особое социальное устройство, в котором полагается конец господству машин, а производство перестает довлеть над окружающей средой, люди в этом мире живут большими группами, а половые отношения эгалитарны. Характерно, что многие представители данной субкультуры видели возможность достижения подобного антитехнологического общества не в отрицании научного прогресса, а именно в развитии высоких электронных и информационных технологий. Находясь под коренным влиянием теорий Маршалла Маклюэна, эти технофилы считали, что конвергенция средств массовой информации, вычислительных технологий и телекоммуникаций неизбежно создаст электронную агору – некое виртуальное место, где все будут свободны выражать свои мнения без страха цензуры. Таким образом, берет начало процесс формирования выстроенной вокруг информационных технологий культуры, стержневым принципом которой стало провозглашение свободы индивида от тоталитаризирующей власти любых структур. Очагом этой культуры, впоследствии распространившейся и на другие страны и регионы, было калифорнийское побережье США, где впервые соединились технократические идеи ученых и инженеров, разрабатывающих новейшую вычислительную технику; идеология хакеров, постулирующая свободную циркуляцию информации; социологические и футурологические пророчества теоретиков постиндустриального общества; хиппистско-анархистские идеалы маргинальных субкультур, отстаивающие незыблемость личной свободы; а также идеи экономического либерализма "джефферсоновской демократии". Тридцать лет спустя Ричард Барбрук и Энди Камерон назовут сплав этих идей "калифорнийской идеологией", в которой, несмотря на ее неоднозначность и противоречивость наиболее полно воплотятся

идеи информационного либерализма и виртуальной демократии. Таким образом, калифорнийские события шестидесятых-семидесятых годов могут считаться началом отсчета формирования киберкультуры, подобно тому, как парижские события 1968 года стали отправной точкой культуры постмодерна.

После того как волна хиппи спала, идеи хакеров не теряют своей привлекательности, и становятся базой для нового течения в западной культуре, получившего название *киберпанк*. По сравнению с хакерским движением, возникший в восьмидесятых годах киберпанк является более глубоким и многоаспектным явлением в киберкультуре. Его не следует рассматривать только как одно из молодежных альтернативных движений, подобных хиппи или панкам, хотя определенная связь с панк-рокмузыкой прослеживается в самом названии. Киберпанк возник не просто как версия мировоззрения неформалов-панков, он сформировал особое направление в научной фантастике, где на передний план выводится проблема взаимопроникновения человеческого и технологического. Писателей-киберпанков, наиболее заметными из которых являются Руди Рукер, Джон Ширли, Брюс Стерлинг, Уильям Гибсон и др., интересовали проблемы воздействия на человека киберпространства и виртуальной реальности, создания искусственного интеллекта, роли и места индивида в тотально информатизированном обществе будущего. По сути дела, киберпанк является постмодернизированной фантастикой – литературным направлением, тесно переплетающимся с постмодернистскими взглядами Бодрийера и Джеймисона, в тоже время опирающимся на идеи культовых писателей шестидесятых годов таких, как Берроуз и Пинчон, а также таких продвинутых фантастов, как Ф. К. Дик, Дж. Баллард, Т. Диш. Как и во всей постмодернистской литературе в киберпанковских произведениях переплетаются различные жанры, смешиваются элементы

высокой и поп-культуры, широко используется практика цитирования. Таким образом, обнаруживается явная связь киберпанковской литературы и постмодернистского мировоззрения, что было удачно зафиксировано в придуманном Брайяном Макхейлом эпитете "ПОСТкиберМОДЕРНпанкИЗМ"¹⁰.

Несмотря на ту особую роль, которую играет фантастическая литература в формировании идеологии киберпанка, последний все же нельзя отождествлять с ней. Киберпанк – это не только и не столько молодежное движение или направление в научной фантастике. Киберпанк скорее следует рассматривать как стиль жизни, в котором особое место занимают виртуальная реальность. Намеченный в киберпанковских романах и фильмах, этот стиль благодаря развитию компьютерной техники и созданию глобальной сети Internet воплотился в реальность современной жизни, во многом оказавшейся фантастичнее самых фантастических прогнозов. Собственно говоря, главная идея киберпанка заключается в том, что в результате развития информационных, электронных и виртуальных технологий границы между человеком и машиной безвозвратно отчасти размываются. Другой, не менее важный лейтмотив, пронизывающий мировоззрение киберпанков, был заимствован из хакерской идеологии и связан с неограниченной свободой доступа к информации и недопущения ее использования в корыстных и конъюнктурных целях. В тоже время, хакера отличает от киберпанка то, что первого можно назвать пионером, колонизатором киберпространства, а последнего уже можно рассматривать как полноправного жителя, гражданина компьютерной сети, нетизена (netizen). Движение киберпанков также отличает крайний индивидуализм и отгороженность его

¹⁰ См: Макхейл Б. ПОСТкиберМОДЕРНпанкИЗМ // Комментарии, №11. М., 1997. С. 37 – 49.

участников от социальных процессов. Во многих киберпанковских романах и фильмах такое асоциальное либертарианство изображается главным персонажем-хакером – индивидом-одиночкой, сражающимся за собственное выживание внутри виртуального мира информации. Приведенные черты киберпанковского мировоззрения характерны вообще для всей киберкультуры, возникшей вокруг глобальной сети. На самом деле, в современном мире, опутанном паутиной интернет и позволяющим любому пользователю соприкоснуться с виртуальной реальностью, киберпанк перестает быть маргинальным течением, а его альтернативный пафос сходит на нет. В тоже время, данный феномен остается для нас важен как яркий пример организации вокруг телекоммуникационных сетевых технологий специфического течения, охватывающего как сферу искусства, так и сферу межличностных отношений в информационном обществе.

Итак, с развитием глобальной сети Интернет в 90-е годы, все больше пользователей оказываются охваченными ее паутиной и, так или иначе, вовлекаются в специфическое взаимодействие как между человеком и Интернетом, так и между самими людьми, в отношениях которых сеть начинает играть не только роль посредника, но и становится неотъемлемой составляющей, делающей возможным сам факт общения и определяющей его стиль. В телекоммуникационной среде всемирной паутины начинают действовать особые правила поведения, этические принципы, формы общения и т.д., отличные от тех, что наполняют нашу реальную жизнь. Во многом эти установки были выработаны рассмотренными выше движениями хакеров и киберпанков, но, в настоящее время, ввиду возрастания роли компьютерной сети в жизнедеятельности людей, они перестают быть выражением взглядов каких-то локальных групп и течений, и обретают иной

качественный статус. Таким образом, можно утверждать, что в современном Интернете находят адекватное воплощение киберпанковские принципы, провозглашающие неограниченную свободу доступа к информации, основывающуюся на недопустимости создания информационных барьеров и фильтров, введения цензуры или других государственных регламентирующих ограничений, а также подчинения киберпространства единому центру. Совокупность идей, соответствующих описанному положению дел, мы назовем *сетевым либерализмом*, под которым будем понимать неформальную идеологию, виртуально установившуюся в киберпространстве глобальной сети, главным лейтмотивом которой является максимальное ограничение вмешательства государства в процесс циркуляции информационных потоков. Сетевой либерализм – это своего рода социальная, политическая, экономическая и этическая импликация тех основополагающих, онтологических принципов устройства глобальной сети, которые были охарактеризованы выше как ризоморфные. Именно то, что Интернет по своей природе не что иное, как ризома, и является основной предпосылкой утверждения либертарианской идеологии, и здесь очень важно понять, что между физическим строением глобальной сети и связанными с ней социокультурными явлениями существует непосредственная связь – без ризоморфности Интернета не был бы возможным сетевой либерализм.

Наиболее заметным воплощением интернетовского либертарианства стала так называемая "Декларация независимости Киберпространства" Джона Перри Барлоу, написанная и размещенная в сети в 1996 году в ответ на попытку американского правительства ввести цензуру в Интернете. Категорически выступая против любых ограничений возможности

самовыражения в пространстве глобальной сети, Барлоу во введении к декларации сознательно употребляет непристойные по отношению к власти выражения. В данном случае автор преследовал цель показать, как легко могут быть распространены в Интернете изречения, недопустимые в официальной публицистике и средствах массовой информации. Замысел Барлоу удался: тысячи компьютерщиков-сетевиков во всем мире, скопировали его текст так, что он оказался помещенным на сотнях серверов и переведенным на десятки языков. Если в случае с книгой, газетой, телепрограммой и другими привычными средствами коммуникации государство реально могло поставить барьер, ограждающий циркуляцию нежелательных сведений, то в ризоморфной среде Интернета изъять, изолировать, секуляризировать ту или иную информацию оказалось практически нереальным – паутина ризомы-интернета не поддается системной и директивной регламентации, примером чего и стала декларация независимости киберпространства, распространенная по всему миру в обход механизмов контроля со стороны властных структур. На наш взгляд, именно ризоморфное, то есть номадическое, децентрированное, многомерное, устойчивое к разрывам устройство Интернет позволило Барлоу расценить попытку законодательства нанести вред Сети, не иначе как "стремление заварить чай в воображаемой гавани".

Итак, основная идея, содержащаяся в Декларации, – провозглашение независимости киберпространства всемирной паутины от государственных структур. Развивая ее, Барлоу идет дальше и заявляет об инаковости киберпространства вообще, об иной его природе. Исходя из текста Декларации можно выделить несколько аспектов, указывающих на специфику виртуальной среды глобальной сети Интернет. Так, онтологически

киберпространство не является физической реальностью¹¹, в связи с чем законы материального мира не имеют в нем своей силы. Взятое в социальном аспекте, киберпространство выступает альтернативой обществу как таковому, ибо уже не является тем, что мы привыкли считать социальной реальностью. Организованное посредством телекоммуникаций и всеобщих усилий сообразно своему "общественному договору", в котором нет места аппарату господства и принуждения, киберпространство становится оффшорной зоной свободы, где отношения выстраиваются не по принципам, господствующим в окружающей нас социальной действительности, а согласно собственной этике. Таким образом, обозначается еще один момент, свидетельствующий о специфике киберпространства – его этическая, а не юридическая обусловленность. В неподдающейся администрированию ризоморфной среде глобальной сети единственными регуляторами характера взаимодействий и правил общения являются нравственные законы, и, быть может, кантовский категорический императив нигде доселе не обретал такой силы "принципа всеобщего законодательства", как на виртуальных просторах интернета.

Декларация независимости киберпространства является для нас ярким примером, иллюстрирующим, как некогда локально провозглашенные киберпанками принципы неограниченной свободы информации и особого статуса киберпространства становятся основополагающими в процессе телекоммуникации в глобальной сети Internet.

Рассмотрим теперь другой мотив философии киберпанка, также нашедший свое воплощение в современном Интернете и ставший одной из неотъемлемых характеристик выросшей вокруг

¹¹ В определенной степени в киберпространстве можно увидеть технологическое воплощение платоновского мира идей.

него киберкультуры и идеологии сетевого либерализма, а именно, индивидуализм, понимаемый не как отрешенность индивида от окружающей действительности, а как возможность выражать свои собственнические взгляды, выбирать свой круг предпочтений и интересов. По сравнению с другими средствами массовой коммуникации, Интернет дает несоизмеримо большие возможности для реализации дифференцированного подхода к получению информации. То есть, в отличие от телевидения или радио, предлагающих готовый информационный поток, интернетовский пользователь, критически оценивая доступный материал, может сам выбирать нужные сведения, а если учесть масштабы глобальной сети, то его выбор оказывается предельно широким.

Еще одним фактором, способствующим осуществлению личных интенций индивида, является анонимность. Выступая в качестве виртуального субъекта в интернетовской среде, индивид может реализовать свое реальное Я, т.е. реализовать те намерения, которые в обычной, "статусной" жизни он не смог бы осуществить в силу социальной обусловленности. Возможность анонимного общения освобождает человека от многих барьеров и условностей, а гарантия, того, что маршруты его навигации в киберпространстве глобальной сети не будут представлять ни для кого интереса, позволяют ему без опасения быть "неправильно понятым" затребовать всевозможные материалы, в том числе маргинального и перверсивного плана¹².

Доминирование индивидуалистских тенденций во всемирной паутине обуславливает фактическую невозможность

¹² Примечательно, что первоначально Интернет использовался как средство обмена порнографическими картинками между студентами. Вообще порнография в сети занимает далеко не последнее место, что свидетельствует о не только о высоком спросе на продукцию данного сорта, но и о том, что Интернет является эффективным средством для удовлетворения подобного рода запросов.

создания какого-либо масштабного сетевого сообщества. Собственно говоря, когда мы употребляем понятие "киберкультура", мы поступаем не совсем корректно. На самом деле единой киберкультуры нет и быть не может, равно как не существует и никакого "сетевого сообщества". Сеть – это пространство одиночек, объединить которых в некую общность, подобную существующим в обществе партиям и движениям, практически невозможно. В сети отсутствует фактор конъюнктуры, поэтому, если люди здесь объединяются, то диктуется это не какими-то внешними мотивами, а подлинными потребностями и влечениями. Поэтому, когда идет речь о киберкультуре в целом, то ее следует понимать не как какой-то универсум, а как сплетение, мозаику, нарезанную из бесчисленного множества различных субкультур, реализующих себя в киберпространство глобальной сети. Несомненно, фрагментарность Интернета коррелирует с фрагментарностью постмодерной культуры в целом. Сеть способствует утверждению "племенной психологии", то есть воплощает стремление людей выразиться в микрогруппах, объединенных по определенным, разделяемым индивидами интересам. Таким образом, Интернет становится эффективным средством, обеспечивающим его пользователям возможность коммуникации именно с тем фрагментом реальности, который является наиболее близким для их индивидуальностей, что в очередной раз свидетельствует о его либертарианской сущности.

Говоря о формировании киберкультуры и сетевого либерализма, нельзя пройти мимо проблем, неотступно сопровождающих этот процесс. Главная из них – это противоречие между пронизывающим всю киберидеологию постулатом о необходимости свободного доступа в сеть и реальным положением дел, указывающим на то, что возможностью

пользования ей имеет лишь мизерный процент населения. Особенно это заметно в странах, где телекоммуникационная инфраструктура слаборазвита, что влечет за собой ограничения в доступе не только, связанные с финансовым положением пользователей, но и с техническими трудностями, являющимися серьезной препоною на пути распространения паутины. Несмотря на декларируемую "глобальность" Интернета, на деле оказывается, что реально использовать его могут лишь наиболее образованные и наиболее оплачиваемые слои населения, при этом широкие массы, не имеющие финансовой, технической возможности или же просто не владеющие навыками работы с компьютерами, остаются вне "глобальных объятий" сети. Таким образом, Интернет становится не средством фрагментации населения на локальные микрогруппы, но и в определенной степени оказывается механизмом расщепления общества на два обширных антагонистических слоя – виртуального класса", т.е. "техноинтеллигенцию из ученых-представителей фундаментальных наук, инженеров, компьютерщиков, разработчиков видеоигр и всех остальных специалистов в области коммуникации"¹³, и аутсайдеров, в число которых войдут наиболее неквалифицированные рабочие, различного рода маргинальные меньшинства, в общем, все те группы, которые находятся на самых низших ступенях социальной лестницы. Либеральная идеология глобальной сети оказывается порочной в том плане, что, провозглашая свободу и равенство в доступе к информации, она обходит стороной проблему невозможности реализации эгалитарных условий в праве пользования компьютерными сетями, тем самым невольно попустительствует утверждению "информационного апартеида", сущность которого

¹³ Kroker A. and Weinstein M. Data Trash: the theory of the virtual class // New World Perspectives. Montreal, 1994. p. 15.

метко передали Ричард Барбрук и Энди Камерон в выражении "хозяева-киборги и рабы-роботы". Нельзя оставить без внимания и то, что новейшие телекоммуникационные технологии потенциально могут создать занавес, отгораживающий замкнутую в виртуальной реальности технократическую элиту, от остального общества, охваченного вредным производством, нищетой и болезнями. Примечательно, что описанное гипотетическое положение дел напоминает реальные события из жизни автора либеральных идей американской демократии Томаса Джефферсона, который, будучи крупным калифорнийским рабовладельцем, пытался отгородить себя от необходимости непосредственного соприкосновения с обслуживающими его рабами, используя для этой цели различные технические приспособления, вроде "немного официанта", созданного для доставки блюд из кухни в столовую. В конце XX века вновь возникает опасность, что передовые технологии станут использоваться для опосредования нежелательных контактов между "рабами" и "хозяевами", тем самым будут способствовать утверждению двойных моральных стандартов и усилению социальной сегрегации.

Не умаляя опасности такого развития киберкультуры, все-таки не хотелось бы сгущать краски и видеть будущее в мрачных тонах, подобным тем, в которых выдержаны фантастические киберпанковские романы. Обращение сетевых технологий в поляризирующую людей силу на противостоящие друг другу социальные группы глубоко чуждо постмодернистской философии, одной из основополагающих идей которой является несогласие с разделением мира по принципам бинарных оппозиций. Именно тесное переплетение мировоззрения постмодернизма и киберидеологии (примером подобного синтеза может служить интеллектуальное течение под названием

"киборгпостмодернизм"¹⁴), является определенной гарантией того, что глобальная сеть не обратится в технологию отчуждения и разобщения. Что касается существующего мнения о том, что Интернет так и останется в распоряжении только узкого круга техноинтеллигенции, то здесь можно возразить, приведя примеры из сравнительно недавнего прошлого. Так, доступный в начале века лишь единицам автомобиль становится массовым средством передвижения, а когда-то казавшийся диковинным телевизор уже имеется практически в каждой семье. Исходя из этой логики, есть все основания считать, что Интернет станет таким же достигаемым и привычным для населения, как газеты, радио и телевидение, а судя по темпам, с которыми глобальная сеть развивается, это событие уже не за горами.

Подводя итог рассмотрению идеологии глобальной сети, отметим, что, начав формироваться под знаком маргинальных движений хакеров и киберпанков, по мере развития всемирной паутины она становится основой мировоззрения всей киберкультуры, порожденной сетью Интернет, при этом, во многом пересекается с ключевыми идеями постмодернистской философии. Таким образом, сетевые компьютерные технологии могут рассматриваться как пример, показывающий характерную для культуры постмодерна взаимосвязь технологических и мировоззренческих новаций.

Гипертекст и постгутенберговская эра.

Изобретенный Гутенбергом в середине XV века книгопечатный станок коренным образом изменил способ мышления и восприятия действительности, сформировав так называемого "типографского человека" – человека, видящего мир

¹⁴ Шредер Р. Киберкультура, киборгпостмодернизм и социология технологий виртуальной реальности: скольжение на волнах души в век информации // На путях постмодернизма. М., 1995. С. 117 – 125.

сквозь черно-белую призму печатной продукции. Книга, ставшая тиражируемой и общедоступной, позволила людям преодолеть культурные и исторические границы, стала главным аппаратом в образовании и науке и, наконец, сделалась критерием, обуславливающим уровень интеллектуального развития индивида. Сообразно с логикой и структурой печатного текста формировался и особый тип культуры, характеризующийся господством линейного текстового метанарратива. Именно так, по утверждению Маршалла Маклюэна, произошло становление "галактики Гутенберга" – универсума, в котором печатный станок явился формирующим фактором культуры индустриального общества¹⁵. Но с вхождением в обиход электронных средств массовой коммуникации, положение дел в "галактике" в корне меняется: книга начинает сдавать позиции активно развивающимся радио, телевидению, компьютерам. На передний план выходят аудио-визуальные способы трансляции информации, вытесняя письменные и печатные формы. Человек в "глобальном объятии" продолживших его центральную нервную систему электронных медий начал плавное вхождение в постгутенберговую эру. Последнее десятилетие, породившее глобальную сеть внесло в этот процесс свои коррективы, которые, по понятным причинам не могли быть осмыслены Маклюэном¹⁶, и поэтому требуют специального рассмотрения. В связи с этим,

¹⁵ См: McLuhan M. The Gutenberg galaxy. L., 1962.

¹⁶ Маклюэн скончался в 1980 году.

попытаемся показать какова роль Интернета в формировании текстового пространства постгутенберговой эпохи.

Прежде чем начать рассмотрение специфики текста глобальной сети, следует ответить на вопрос, насколько вообще правомочно говорить в сложившейся ситуации о закате "галактики Гутенберга". Так Умберто Эко, выдвинул тезис, что интернет не удаляет, а наоборот, приводит нас обратно к Гутенбергу. Считая, что глобальная сеть радикально "путает карты" маклюэновских прогнозов¹⁷, Эко утверждает, что посредством ИНТЕРНЕТа осуществляется обратный переход от имиджевого к вербальному восприятию информации. Если телевидение, ориентирующее на зрительный образ, ведет в конечном счете к упадку грамотности, то компьютер, так или иначе предполагающий работу со словами (чтение строк на экране, ввод данных, общение в чатах), реанимирует умение работать с печатными текстами. В этом смысле, отмечает итальянский мыслитель, компьютер и Интернет возвращает людей в гутенбергову галактику, ибо пользователи применяют письменную коммуникацию. Дисплей, в отличие от телеэкрана, выстраивающего мир в образах, выражает мир, подобно книге, в словах и на страницах. Рассуждая в этом ключе, Эко озвучивает гипотезу, что в ближайшем будущем общество расщепится на два класса: тех, кто смотрит только телевидение, то есть получает готовые образы и готовое суждение о мире, без

¹⁷ Эко У. Под Сетью (интервью с Л. Маршаллом) // Искусство кино. М., 1997. №9. С. 133.

права критического отбора получаемой информации, и тех, кто смотрит на экран компьютера, то есть тех, кто способен отбирать и обрабатывать информацию¹⁸. Таким образом выходит, что ни о какой постгутенберговой эре и не может идти речь – во всяком случае, рассуждения У. Эко неизбежно подводят нас к такому заключению. И все же мы возьмем на себя смелость не в полной мере согласиться с подобным подходом. Конечно, не вызывает сомнения, что компьютер, по сравнению с телевидением, предоставляет возможность более интеллектуальной коммуникации, развивает элементарную грамотность и учит работать с текстовым материалом, то есть так или иначе выводит на передний план вербальный печатный текст. В этом смысле Гутенберг живет и в сети. Но, вместе с тем, коренным образом меняется способ построения текстового пространства – на смену одномерному тексту приходит многомерный электронный *гипертекст*. Мы считаем, что именно эта качественная трансформация самой природы текста указывает на вхождение в постгутенбергову эру – текст более не может мыслиться в качестве линейно выстроенного, имеющего определенную направленность, структуру и границы. То есть он перестает соответствовать принципам, наложенных как станком Гутенберга, так и мировоззрением Модерна, и становится воплощением постмодернистского мироощущения.

¹⁸ Эко У. От ИНТЕРНЕТа к Гуттенбергу: текст и гипертекст // Интернет. М., 1998. №6-7. С. 91 – 92

Итак, в чем же заключается специфика гипертекста, позволяющая говорить о его принципиальной новизне? Если обычный текст является линейным, и двигаться в его пространстве возможно только в направлениях, ограниченных одной плоскостью, то ризоморфный гипертекст открывает новые "поперечные" измерения в текстовом универсуме. Читая книгу, мы не можем покинуть ее пределов, при этом не расставаясь с ней. Когда ее содержание вынуждает обратиться к другим источникам, то нам приходится отложить один текст, уйти за пределы его пространства и переключить свое внимание на другой, такой же принципиально одномерный и территориально ограниченный текст. Гипертекст полностью меняет ситуацию. Применяемый во всемирной паутине язык HTML (Hypertext Markup Language), обеспечивает мгновенный¹⁹ переход от одного текста к другому, причем для этого не нужно покидать пространство исходного текстового поля: стоит указать на выделенное слово и предложение – и перед вами связанный с ним текст, первоначальный текстовый фрагмент при этом не исчезает, а лишь уходит на некоторое время на второй план. Текст, не теряя свои пространственных очертания, обретает иное измерение, где он становится в буквальном смысле бесконечным, ведь от одной ссылки можно двигаться к другой и так далее без конца. Характерно, что переключаться таким образом можно на текстовые нарративы совершенно иного рода – пути, по которым

¹⁹ Скорость зависит от возможностей линий связи.

ведут нас ссылки непредсказуемы. Находясь в одной точке ризоматического пространства гипертекста, мы можем вдруг оказаться "где угодно". И не удивительно, что в несколько переходов можно добраться "от сосиски до Платона" (сосиска — свинтус — щетина — кисть — маньеризм — идея — Платон)²⁰. Языковые игры в глобальной паутине не имеют пределов и не знают ограничений – перекрестные ссылки всегда открывают новые горизонты. В сети нет прямых путей, и нет такого пункта где они сходились бы вместе. Как отмечал М.М. Кузнецов, маршруты навигации по гипертекстовой структуре сети Internet вряд ли могут быть сопоставлены с тем, который был проложен первопроходцем текстового нарратива Одиссеем, открывшим измерение линейного пространственно-временного континуума²¹. На место космоса приходит "хаосмос" (Джойс), на смену одиссеи приходит "хаодиссея" (Делез).

В этом смысле способ организации текста в сети Интернет соответствует основным идеям номадологии, разработанных Делезом и Гваттари в "Тысяче поверхностей"²². Если рассматривать с точки зрения номадизма текстовые пространства, то можно утверждать, что постгутенберговская вселенная подобна бескрайней степи кочевников, а галактика Гутенберга –

²⁰ Пример взят из книги У. Эко. См.: Эко У. Маятник Фуко. М., 1998. С.267.

²¹ Кузнецов М.М. Виртуальная реальность: взгляд с точки зрения философа // Виртуальная реальность: Философские и психологические аспекты. – М., 1997. С. 87.

²² См: Керимов Т. Х. Номадология // Современный философский словарь. М., 1996. 608 с. 320 – 326.

расчерченной стенами, границами и дорогами территории оседлых народов. Человек, находящийся на просторах Интернета в определенной степени становится номадом – кочевником, населяющим пространство, метки которого постоянно смещаются вместе с его трассой. Обитатель сети сращен с пространством также, как и номад, только его мир не степь, а гиперреальность, в которой и проходят его бесконечные путешествия. Он двигается и одновременно остается на своем месте – подобно кочевнику, он путешествует сидя, но не в седле коня, а в кресле за компьютером. Таким образом, созданные в гипертекстовом формате нарративы особым образом конструируют, а точнее деконструируют текстовые структуры и способы их прочтения: от территориально ограниченной и линейно выстроенной книги мы переходим к номадическим ризоморфным детерриториализованным информационным системам.

Продолжая рассматривать гипертекст в контексте постмодернистской философии, мы хотели обратить внимание на его интертекстуальность. На наш взгляд, нигде данный феномен не находит столь исчерпывающего воплощения, как в гипертекстах сети Internet. Интернет с полным правом можно назвать великим интертекстом эпохи постмодерна. Какие бы признаки интертекстуальности мы не взяли – цитатность, децентрированность, безграничность, деперсонализация автора – все они являются неотъемлемыми характеристиками текстовых нарративов сети. Очевидно, что цитатный подход заложен в саму

основу языка HTML – ссылки есть не что иное как указатели на смежные тексты, высказывания, источники и т.п., одним словом – цитаты в той или иной ипостаси. Также не вызывает сомнения, что гипертекст децентрирован по своей природе – стержневая идея неизбежно рассеивается в бесконечности кросс-референтных ссылок. Что касается безграничности гипертекста, то масштабы виртуального пространства глобальной сети говорят сами за себя – электронный космос не знает никаких границ и заслонов.

Специфическим образом в гипертекстовом пространстве выявляется такая характеристика интертекстуальности, как деперсонализация автора. Остановимся на этом аспекте поподробнее. На наш взгляд проблема авторства в сети имеет несколько уровней. В самом общем плане растворение автора в Интернете, так же, как и в любом тексте, осуществляется в соответствии со схемой, предложенной Бартом в знаменитом эссе "Смерть автора"²³. Теоретик постструктурализма утверждал, что в произведении "говорит" не автор, а язык, и поэтому читатель слышит голос не автора, а текста, организованного в соответствии с правилами "культурного кода" своего времени и своей культуры²⁴. В этом смысле гипертексты глобальной сети являются скорее "надличными" созданиями постмодерной культуры, чем творениями автономных индивидов. Сама технология ссылок

²³ См: Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: семиотика, поэтика. М., 1989. С. 384 – 391.

²⁴ Ильин И.П. Деперсонализация // Современное зарубежное литературоведение. М., 1996. 320 с.

предполагает "множественность" авторов, то есть делает невозможным существование безотносительного, обособленного, замкнутого текста. В глобальной сети именно ссылки конституируют онтологический статус текста, ибо лишенный их, он становится невостребованным и умирает, затерявшись в информационном океане Интернета. Таким образом становится очевидным, что деперсонализация автора определяется перекрестной структурой гипертекста, но наряду с этой "генетической" обусловленностью, существует ряд других, технических и юридических факторов, трансформирующих идею авторства в глобальной сети. Текст, помещенный в пространстве сети, отдается в свободное пользование, автор при этом отчуждает от себя произведение и фактически лишается своих привилегий – авторских прав и гонораров, составляющих незыблемый фундамент печатной культуры. Интернет начинает играть роль публичной библиотеки, где тексты принадлежат не авторам и издательствам, а безличной сети, в которой становятся доступными для всех желающих. Как утверждал Майкл Джойс, авторство становится "чем-то вроде бесконечной джазоподобной истории"²⁵. Безусловно, в этом есть много отрицательных сторон, например, любой желающий может отсканировать любую книгу и без ведома ее создателей поместить на своей гипертекстовой странице. Разумеется, такой вариант развития событий коренным

²⁵ Цит. по: Эко У. Под Сетью (интервью с Л. Маршаллом) // Искусство кино. М., 1997. №9. С. 136.

образом отличается от того, когда текст размещается непосредственно лицом его написавшим. Проблема авторства в сети так или иначе будет решаться, но, на наш взгляд, в полной мере установить контроль в этом вопросе нам не представляется возможным ввиду либеральной сущности Интернета. В сети нет удостоверений личности, и никто не даст вам гарантий, что за именем автора на самом деле скрывается обозначенный человек; да и ценность текста скорее определяется не именем и регалиями его создателя, а конкретным содержанием. Более того, возникает вопрос о теоретическом пересмотре области авторского права, то есть о том, насколько текст произведения является незыблемым и закрытым для постороннего вмешательства, выражающимся в изменении, копировании, уничтожении²⁶. Пока остается не в полной мере ясным, каким образом будет решены проблемы аутентичности автора, сохранности оригиналов текстов, а также цитирования и ссылок на интернетовские тексты в научных работах. Однако сам круг поставленных проблем свидетельствует о трансформации понятия авторства в гипертекстовых массивах. Так или иначе, но можно с уверенностью сказать, что в век гипертекста сами технологии накладывают отпечаток на персону автора, приводя ее к дальнейшей деперсонализации, тем самым на уровне новейших информационных технологий подтверждая идеи постструктуралистов.

²⁶ В предисловии к распространенной по сети "Декларации независимости киберпространства" Джон Барлоу прямо заявляет, что каждый может изменить название, скопировать и разместить его текст так, как считает нужным.

Уже из вышеприведенного краткого обзора специфики гипертекста становится очевидным, что по своей сущности он представляет сугубо постмодернистский феномен. В принципах его организации находят воплощение практически все основные мировоззренческие установки постмодерна – плюрализм, децентрация, фрагментарность, интертекстуальность. Постмодернистский электронный гипертекст по своей сути противоположен модернистскому печатному тексту. Именно это и позволяет нам связывать с его распространением наступление постгутенберговой эры. Но есть еще один момент указывающий на глубокое различие в самой природе типографского и электронного текста, мимо которого мы не вправе пройти. Если обычный текст строится из набора букв – своего рода атомов, дальше которых дробление текста невозможно, то символы электронного текста изначально не имеют ничего общего с буквами – это бинарные комбинации из нулей и единиц. То есть электронный текст в своей основе опирается на принципиально иной, машинный язык и возникает закономерный вопрос, каковы прагматические последствия подобной трансформации? Ответ на него увел бы нас далеко за рамки нашего исследования, тем более, это вопрос скорее сравнительной филологии, чем социальной философии, поэтому на данном этапе мы ограничимся лишь постановкой данной проблемы, а также еще раз отметим, что электронный постгутенберговский текст имеет принципиально

иную знаковую основу, чем печатный гутенберговский, что лишний раз указывает на их неотожждественность. .

В заключении хотелось бы сделать небольшую реплику по поводу условности выражения "постгутенберговская эра". Мы хотим подчеркнуть, что данный эпитет не следует воспринимать буквально, это всего лишь метафора, но, несмотря на присутствующую образность, в ней фиксируются реальные качественные изменения, произошедшие в подходе к чтению и письму в информационную эпоху. И, конечно, из наступления "постгутенберговской эры" не следует делать скоропалительных выводов о смерти печатной продукции. Книга не умрет, ибо в ней присутствует особая магия; чтение текста с экрана монитора не доставляет того расслабления и удовольствия, которое мы получаем, листая книжные страницы. Но то, что гипертекст вытеснит бумажную продукцию в науке, производстве, образовании – да и вообще в любом виде деятельности, предполагающем работу с достаточно большим объемом информации, в этом сомневаться не приходится. Возможности, предоставляемые глобальной сетью Internet в этом плане безграничны. Создание всевозможных баз данных, компьютеризация библиотек, перевод информации в электронную форму – все это признаки вхождения человечества в век гипертекста, в период, который с полным правом можно назвать "постгутенберговской эрой".

Научное издание

В.А. Емелин

Глобальная сеть и киберкультура: постмодернистский контекст.

Редактор Н.Г. Манишкина

©МАМАРМЕН, 2000 г.

Тираж 1000. Заказ 118/Р

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ЗАО
«Полиграфсервис». Лицензия ПД №00478